

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.064

DOI: 10.17853/1994-5639-2023-9-80-117

ТРАДИЦИОННЫЙ БУЛЛИНГ И КИБЕРБУЛЛИНГ: СТРАТЕГИИ СВИДЕТЕЛЕЙ

В. Л. Назаров

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия;
Институт развития образования Свердловской области, Екатеринбург, Россия.
E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru*

Н. В. Авербух

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: natalya_averbukh@mail.ru*

Аннотация. Введение. Важной стороной любой травли является позиция свидетеля. Своевременное вмешательство свидетеля может предотвратить травлю или смягчить ее последствия для жертвы. С другой стороны, свидетель может присоединиться к травле на стороне агрессора или сохранить нейтральную позицию, которая вызовет у агрессора чувство безнаказанности и усилит виктимизацию объекта буллинга. В данном исследовании сравнивались действия свидетелей традиционного школьного буллинга, школьного кибербуллинга и внешкольного кибербуллинга.

Цель исследования – определение стратегии свидетелей школьной травли и кибербуллинга и уточнение наиболее часто замечаемых свидетелями форм травли.

Методология, методы и методики. Для исследования проблемы была разработана анкета, предназначенная для изучения форм буллинга и стратегий поведения свидетелей. Анкетирование проводилось среди 1762 обучающихся среднего звена организаций основного общего и среднего профессионального образования (ООО и СПО) Екатеринбурга и Свердловской области.

Результаты. Среди свидетелей традиционного буллинга 39 % предпочитают невмешательство, 36 % предпочитают поддерживать жертву, 23 % сообщают о травле родителям и педагогам, 0,7 % присоединяются к агрессору, 1 % дал ответ «другое».

Среди свидетелей внутришкольного кибербуллинга 44,5 % предпочитают невмешательство, 24,5 % поддерживает жертву, 28 % ставят в известность родителей, педагогов или администрацию интернет-ресурса, 0,5 % присоединяются к травле, 1,5 % дали ответ «другое».

Среди свидетелей внешкольного кибербуллинга 42,5 % предпочитают невмешательство, 25,5 % поддерживают жертву, 29,5 % ставят в известность родителей, педагогов или администрацию интернет-ресурса, 1 % присоединяются к травле, 1 % дали ответ «другое».

Как видно, процент предпочитающих невмешательство выше всего среди свидетелей внутришкольного кибербуллинга, тогда как процент поддерживающих жертву выше всего среди сви-

детей традиционного буллинга. Процент присоединяющихся к травле на стороне преследователя выше всего среди свидетелей внешкольного кибербуллинга.

Научная новизна. В данном исследовании впервые разделяются категории свидетелей внутришкольного и внешкольного кибербуллинга как категории свидетелей различных процессов. Среди возможных стратегий поведения свидетеля в ситуации травли впервые предлагается обращение за помощью к взрослым или к администрации интернет-ресурса, на базе которого происходит травля.

Практическая значимость. Результаты данной работы позволят на основании изучения поведения свидетеля травли (буллинга и кибербуллинга) сформировать рекомендации по поощрению свидетеля вмешиваться в травлю на стороне жертвы, прекращать ее самостоятельно или с помощью информирования педагогов.

Ключевые слова: буллинг, традиционный буллинг, кибербуллинг, внутришкольный кибербуллинг, внешкольный кибербуллинг, свидетель буллинга, стратегии свидетеля буллинга, формы буллинга, формы кибербуллинга.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-29-14176.

Для цитирования: Назаров В. Л., Авербух Н. В. Традиционный буллинг и кибербуллинг: стратегии свидетелей // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 9. С. 80–117. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-9-80-117

TRADITIONAL BULLYING AND CYBERBULLYING: BYSTANDER STRATEGIES

V. L. Nazarov

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia.*

Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

N. V. Averbukh

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia.*

E-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Abstract. Introduction. An important aspect of any bullying is the position of the bystander. Timely intervention by a bystander can prevent bullying or mitigate its consequences for the victim. On the other hand, the bystander may join the bullying on the aggressor's side or maintain a neutral position, which will cause the aggressor to feel impunity and increase the victimisation of the bullying object. This study compares the actions of bystanders of traditional school bullying, school cyberbullying and non-school cyberbullying.

Aim. The current study aims to define the strategy of school bullying and cyberbullying bystanders and clarify the most frequently observed forms of bullying by bystanders.

Methodology and research methods. To study the problem, a questionnaire was developed designed to study the forms of bullying and witness behaviour strategies. The questionnaire survey was conducted among 1,762 middle-level students of educational organisations of general secondary education and secondary vocational training in Ekaterinburg and the Sverdlovsk Region.

Results. Among the bystanders of traditional bullying, 39% prefer non-interference, 36% prefer to support the victim, 23% report bullying to parents and teachers, 0.7% join the aggressor and 1% gave the answer “other”.

Among the bystanders of school cyberbullying, 44.5% prefer non-interference, 24.5% support the victim, 28% inform parents, teachers or the administration of an Internet resource, 0.5% join the harassment and 1.5% gave the answer “other”.

Among the bystanders of non-school cyberbullying, 42.5% prefer non-interference, 25.5% support the victim, 29.5% inform parents, teachers or the administration of an Internet resource, 1% join the harassment and 1% gave the answer “other”.

As can be seen, the percentage of those who prefer non-interference is highest among the bystanders of school cyberbullying, while the percentage of bystanders who support the victim is highest among the bystanders of traditional bullying. The percentage of those joining the bullying on the side of the persecutor is highest among the bystanders of non-school cyberbullying.

Scientific novelty. In this study, for the first time, the categories of bystanders of school and non-school cyberbullying are divided as categories of bystanders of various processes. Among the possible strategies of behaviour of a bystander in a situation of bullying, for the first time, it is proposed to seek help from adults or from the administration of the Internet resource on the basis of which the bullying takes place.

Practical significance. Based on the study of the behaviour of the bystander of bullying (traditional bullying and cyberbullying), the results of this work could be applied to develop recommendations for encouraging the bystander to intervene in bullying on the victim's side, to stop it independently or to inform teachers.

Keywords: bullying, traditional bullying, cyberbullying, school cyberbullying, non-school cyberbullying, bystander of bullying, bystander bullying strategies, forms of bullying, forms of cyberbullying.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the scientific project No. 19-29-14176.

For citation: Nazarov V. L., Averbukh N. V. Traditional bullying and cyberbullying: Bystander strategies. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2023; 25 (9): 80–117. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-9-80-117

EL ACOSO TRADICIONAL Y EL CIBERACOSO: ESTRATEGIAS DEL ESPECTADOR, TESTIGO DEL ACOSO

V. L. Nazárov

Universidad Federal de los Urales en honor al Primer Presidente de Rusia B. N. Yeltsin,

Ekaterimburgo, Rusia;

Instituto del Desarrollo de la Educación para la Provincia de Sverdlovsk, Ekaterimburgo, Rusia.

E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

N. V. Averbuch

Universidad Federal de los Urales en honor al Primer Presidente de Rusia B. N. Yeltsin,

Ekaterimburgo, Rusia.

E-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Abstracto. Introducción. Un aspecto importante de cualquier acoso es la posición de la persona testigo del acoso. La intervención oportuna de un espectador puede prevenir el acoso o mitigar sus consecuencias para la víctima. Por otro lado, un espectador puede hacer parte del acoso o mantener una posición neutral, lo que le dará al acosador una sensación de impunidad y aumentará la victimización de

quien es acosado. En este estudio se comparó el desempeño de los espectadores del acoso escolar tradicional, del ciberacoso hacia el interior de la escuela y de los de las manifestaciones del ciberacoso, donde dichas acciones ocurren fuera de la escuela y las partes involucradas no hacen parte de la comunidad estudiantil de la misma.

Objetivo. El objetivo del estudio es determinar la estrategia de los espectadores, testigos de acoso escolar y ciberacoso y determinar claramente las formas de acoso observadas con mayor frecuencia por los espectadores que suelen ser testigos del acoso.

Metodología, métodos y procesos de investigación. Para la investigación del problema, se desarrolló un cuestionario que permitiera analizar las formas de acoso y las estrategias de comportamiento de los espectadores. La encuesta se realizó entre 1.762 estudiantes de nivel medio de entidades de educación secundaria obligatoria y educación media profesional (ESO y EMP) en la ciudad de Ekaterimburgo y en la provincia de Sverdlovsk.

Resultados. Entre los espectadores que son testigos de acoso tradicional, el 39% prefiere la no intervención, el 36% prefiere apoyar a la víctima, el 23% denuncia el acoso a padres y profesores, el 0,7% se suma al agresor, el 1% respondió "otro".

Entre los testigos de ciberacoso intraescolar, el 44,5% prefiere la no intervención, el 24,5% apoya a la víctima, el 28% informa a los padres, profesores o la administración del recurso de Internet, el 0,5% se suma al acoso, el 1,5% respondió "otro".

Entre los testigos de ciberacoso extraescolar, el 42,5% prefiere la no intervención, el 25,5% apoya a la víctima, el 29,5% informa a los padres, profesores o a la administración del recurso de Internet, el 1% se suma al acoso, el 1% respondió "otro".

Como se puede observar, el porcentaje de quienes prefieren la no intervención es mayor entre quienes son testigos de ciberacoso intraescolar, mientras que el porcentaje de quienes apoyan a la víctima es mayor entre los testigos del acoso tradicional. El porcentaje de quienes se suman al acoso por parte del agresor es mayor entre los testigos de ciberacoso extraescolar.

Novedad científica. Este estudio es el primero en separar las categorías de personas que han sido testigos de ciberacoso escolar y extraescolar como categorías de testigos de diferentes procesos. Entre las posibles estrategias para el comportamiento de un testigo en una situación de acoso, se propone por primera vez buscar ayuda de adultos o de la administración del recurso de Internet a partir del cual se produce el acoso.

Significado práctico. Los resultados de este trabajo permitirán, a partir del estudio del comportamiento de un testigo de acoso (acoso y ciberacoso), formular recomendaciones para incentivar al testigo a intervenir en el acoso por parte de la víctima, para detenerlo por sí mismo o dando parte a los profesores con el propósito de que éstos detengan al acosador.

Palabras claves: acoso, acoso tradicional, ciberacoso, ciberacoso intraescolar, ciberacoso extraescolar, acoso presencial, estrategias para presenciar el acoso, formas de acoso escolar, formas de ciberacoso.

Agradecimientos. La investigación se llevó a cabo con el apoyo financiero de la Fundación Rusa para la Investigación Básica (RFBR) en el marco del proyecto científico n° 19-29-14176.

Para citas: Nazarov V. L., Averbukh N. V. El acoso tradicional y el ciberacoso: Estrategias del espectador, testigo del acoso. *Obrazovanie i nauka = Educación y Ciencia*. 2023; 25 (9): 80–117. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-9-80-117

Введение

В наши дни в дополнение к традиционному буллингу активно развивается такое явление, как кибербуллинг, то есть буллинг с использованием мобильных телефонов, сети Интернет и разнообразных мессенджеров. Школьники являются самой уязвимой частью общества, так как в силу своего уровня развития еще не владеют всеми способами психологической защиты и методами

противодействия таким атакам. Обычно, когда говорят о кибербуллинге, важной частью этого явления, его особым преимуществом считают анонимность атак и не всегда различают, на базе чего происходит кибербуллинг: школьных сообществ, чатов, мессенджеров и т. п. или не связанных со школой ресурсов. В данном исследовании различаются школьный и внешкольный кибербуллинг.

Чаще всего говорят о том, как буллинг влияет на жертв или какие побуждения толкают агрессоров осуществлять травлю, однако важной стороной любой травли является позиция свидетеля. Своевременное вмешательство свидетеля может предотвратить травлю или смягчить ее последствия для жертвы. С другой стороны, свидетель может присоединиться к травле на стороне агрессора или сохранить нейтральную позицию, которая вызовет у агрессора чувство безнаказанности и усилит виктимизацию объекта буллинга. В данном исследовании сравнивались действия свидетелей традиционного школьного буллинга, школьного кибербуллинга и внешкольного кибербуллинга.

Следует учитывать, что на количество сообщений свидетелей буллинга о случаях буллинга влияют два фактора. Первый – это объективное количество случаев, которые на самом деле происходят в окружении респондента. Второй – то, насколько свидетель внимателен к тому, что происходит вокруг него. Анализируя результаты опроса, мы не можем отделить влияние одного фактора от другого и воссоздаем, таким образом, субъективную картину, существующую у свидетелей буллинга. При этом субъективность полученных данных является неизбежным ограничением данного исследования. Также надо учитывать фактор желательности. Свидетели травли могут искажать свои ответы, стыдясь выбранного ими способа действий, особенно если это касается невмешательства или тем более присоединения к травле на стороне агрессора.

В 2021 г. нами были опрошены 1762 школьника, проживающих в Свердловской области. Результаты этого опроса уже публиковались ранее. В сфере внимания настоящего исследования – закономерности, связанные с опытом свидетеля буллинга и кибербуллинга.

В данной работе используются такие термины, как буллинг, традиционный буллинг, школьная травля, школьный (иначе говоря, внутришкольный) кибербуллинг и внешкольный кибербуллинг. Под буллингом, или – развернуто – традиционным буллингом, понимается то же самое, что и под термином «школьная травля» (см. определение, данное в обзоре литературы). Школьный (внутришкольный) кибербуллинг – это травля, осуществляемая членами школьного коллектива по отношению к другим членам того же школьного коллектива с использованием цифровых средств: в школьных чатах, сообщениях и мессенджерах, а также на других площадках, не связанных с учебным заведением. Ключевым отличием именно школьного кибербуллинга от внешкольного является тот факт, что все или большинство его участников знакомы между собой и учатся вместе. Внешкольный кибербуллинг, таким образом, это травля, осуществляемая посредством цифровых ресурсов и происходящая на площадках, не связанных с учебным заведением, между людьми, чье знаком-

ство, как правило, исчерпывается общением онлайн. Более строгие определения будут даны ниже.

Основная **проблематика**, рассматриваемая в этой работе:

1. Действия свидетелей школьной травли, школьного и внешкольного кибербуллинга, их различия и сходство. Помогают ли свидетели травли жертвам или склонны присоединяться к агрессорам?

2. Виды травли, на которую обращают внимание свидетели того или иного типа буллинга. Что отмечается чаще: физическая, социальная или вербальная травля? Насколько часто травля осуществляется анонимно, посредством фейковых аккаунтов?

Цель данной работы – определить стратегии свидетелей школьной травли и кибербуллинга, а также уточнить наиболее часто замечаемые свидетелями формы травли.

Гипотеза исследования – большинство свидетелей буллинга (как традиционного, так и кибербуллинга) сделают выбор в пользу прекращения травли посредством той или иной стратегии, в том числе привлекая помощь других людей (друзей, родителей, педагогов, администрацию интернет-ресурсов).

Задачи исследования:

1. Выделить понятие школьной травли (буллинга, традиционного буллинга) и кибербуллинга, их признаки и формы.

2. Выделить основные стратегии поведения свидетелей традиционного буллинга и кибербуллинга.

3. Определить соотношение между стратегиями поведения свидетеля и формой травли, которую свидетель наблюдает.

Ограничениями исследования являются:

1) субъективный характер получаемых данных (неизбежных при использовании анкеты в качестве основного инструмента);

2) сосредоточение внимания авторов на позиции свидетеля буллинга и кибербуллинга исключительно в образовательных организациях Свердловской области.

Практическая значимость работы состоит в первую очередь в изучении поведения свидетеля травли (буллинга и кибербуллинга), которое необходимо для формирования рекомендаций по поощрению свидетеля вмешиваться в травлю на стороне жертвы, прекращения ее самостоятельно или с помощью информирования педагогов.

Обзор литературы

Традиционный буллинг: определение, признаки, формы

В данной работе в сфере пристального внимания будет явление школьной травли или, иначе, буллинга. Понятие «буллинг» (bullying) в переводе с английского языка означает «травля». С появлением травли в интернете, кибербуллинга (см. ниже) школьную травлю также стали называть в литературе

«традиционным буллингом» противопоставляя это явление кибербуллингу, например, в работах [1–4].

Шведский исследователь D. Olweus в своей работе [1] привел определение буллинга: «Мы говорим, что ученик подвергается буллингу, когда другой ученик или несколько других учеников:

- говорят подлые и обидные вещи, или высмеивают его или ее, или обзывают его или ее подлыми и обидными именами;
- полностью игнорируют или исключают его или ее из своей группы друзей или намеренно исключают его или ее из дела;
- бьют, пинают, толкают, заталкивают или запирают его или ее в комнате;
- лгут или распространяют ложные слухи о нем или о ней или посылают неприятные заметки и пытаются вызвать неприязнь других учеников к нему или к ней;
- и тому подобное.

Когда мы говорим о буллинге, такие вещи происходят неоднократно, и учащемуся, подвергающемуся буллингу, трудно защититься. Мы также называем это буллингом, когда учащегося неоднократно поддразнивают и оскорбляют. Но мы не называем это буллингом, когда поддразнивание происходит в дружелюбной и игривой форме. Кроме того, это не буллинг, когда два ученика примерно одинаковой силы или власти спорят или дерутся».

В той же работе приводятся три критерия традиционного буллинга:

- преднамеренность;
- некоторая повторяемость;
- дисбаланс сил [1].

В работе L. M. Mugeşan, опубликованной в 2020 г. [5], описываются такие формы школьной травли, распространенные в Румынии, как словесные оскорбления, клички и т. п. Агрессоры в школьной травле указывали на то, что толчки и щипки были более распространены, чем избиения. Свидетели школьной травли указали на наибольшую распространенность ссор между одноклассниками, причинения вреда вещам, распространение неприятной информации о жертве и оскорбления [5].

Отечественные исследователи Е. А. Гусейнова и С. Н. Ениколопов выделяют такие виды травли, как физическая, вербальная и социальная [6]. В работе С. Ю. Тарасовой, А. К. Осницкого и С. Н. Ениколопов [7] буллинг рассматривается как вариант агрессии, вызывающей тревожность и, как следствие, агрессию у жертв травли.

В работе В. А. Иванюшиной и ее коллег [8] приводятся методы измерения буллинга. Большинство из них основаны на самоотчетах с использованием шкалы «никогда – редко – часто – всегда» или более конкретной: от «ни разу» и «один-два раза» до «несколько раз в неделю». В некоторых случаях отвечающим задается временной интервал («за последний год», «за один-два месяца»), в некоторых нет. Это многообразие методов затрудняет соотнесение результатов различных исследований [8].

Также в работе В. А. Иванюшиной и ее коллег [8] оценивается завышение распространенности буллинга, поскольку зачастую при ответах на опросники участники исследований оценивают не буллинг, а агрессивное поведение. По приведенным в работе [8] результатам исследования буллинга в Калужской области, проведенном на 201 школе с участием 18 433 обучающихся, с возрастом доля жертв буллинга среди школьников уменьшается: с 19 % в 6-м классе до 11 % в 9-м классе. Мальчики чаще подвергаются физической травле, а девочки – социальной. Распределение буллинга в школах неравномерно: на одну школу приходится от 0 до 40 % учащихся, столкнувшихся в течение года с проявлениями буллинга, причем частота травли не связана со структурными характеристиками школы (тип школы, расположение в городе или в селе, размер, социально-экономический статус). В. А. Иванюшина и ее коллеги связывают это с психологическим климатом в каждой из исследованных школ [8].

Тема школьного климата и вопрос создания инструмента для измерения буллинга поднимается также в работе М. А. Новиковой и ее коллег [9]. Исследование проводилось на выборке из 871 учащегося средней и старшей школы одного из мегаполисов РФ. Больше всего представлена роль свидетеля: 45 % (вовлеченность в словесную травлю в качестве свидетеля), 29 % (эпизодические свидетели кибертравли), 39 % (свидетели социального буллинга) [9].

Результаты исследования традиционного буллинга и кибербуллинга в Свердловской области, проведенного нами в 2021 г. [10], также показывают преобладание свидетелей традиционного буллинга по сравнению с другими ролями (жертвой, зачинщиком и рядовым участником): 42 % от общего числа респондентов, тогда как остальные роли представлены заметно реже: жертвы – 35,5 %, зачинщики – 15,7 %, рядовые участники – 11,5 % от общего числа респондентов [10].

Согласно результатам этой работы М. А. Новиковой и ее коллег, традиционные формы буллинга встречаются гораздо чаще, чем кибербуллинг [9].

Это подводит нас к вопросу о собственно кибербуллинге.

Кибербуллинг: определение, признаки, формы

Как указано в работе L. Chen и его коллег, традиционный буллинг является одним из предикторов кибербуллинга [4]. Этот момент является спорным, как указано в работе S. Rabian и ее коллег [11], негативные взаимодействия онлайн не продолжают офлайн, и наоборот. Как следует из работы [11], это может быть связано с тем, что участники онлайн-конфликтов не знакомы между собой в реальной жизни.

В работе Е. Н. Волковой и И. В. Волковой, напротив, приводятся данные, согласно которым участие в традиционном буллинге приводит к участию в кибербуллинге [12].

Согласно определению, данному N. E. Willard в работе [13], кибербуллинг – это жестокость по отношению к другим путем отправки или размещения вредоносных материалов или участия в других формах социальной жестокости с использованием интернета или других цифровых технологий [13].

В отечественной работе 2021 г. Е. В. Бочкаревой и Д. А. Стренина [14] была предложена авторская формулировка для определения кибербуллинга: «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [14, с. 92]. Отличием кибербуллинга от традиционных форм буллинга является и наличие многочисленных свидетелей [14, с. 94].

Результаты исследования, проведенного нами в 2021 г. в Свердловской области [10; 15], показывают, что процент свидетелей внутришкольного кибербуллинга совпадает с процентом жертв внутришкольного кибербуллинга: 20,4 % от общего числа респондентов, и частота их представленности выше, чем остальных ролей внутришкольного кибербуллинга (агрессоры – 7,7 %, подстрекатели – 4,7 %, рядовые участники – 6,4 % от общего числа респондентов) [10; 15]. Во внешкольном кибербуллинге, который встречается реже всего, преобладают свидетели: 13,7% от общего числа респондентов, при этом остальные роли также представлены реже (жертвы – 9,9 %, агрессоры – 7,1 %, подстрекатели – 3,0 %, рядовые участники – 4,4 % от общего числа респондентов) [15].

В отечественной работе 2021 г. С. С. Антипиной [16] показано, что изначально понятия киберагрессии и кибербуллинга рассматривались как синонимичные, однако постепенно возобладала точка зрения, согласно которой киберагрессия – это более широкое понятие, охватывающее более широкий спектр явлений. Она включает в себя кибербуллинг, и в более широком смысле определяется как любое преднамеренное злонамеренное действие, совершаемое в интернете [16].

Как указали в своей работе 2018 г. Г. У. Солдатов и ее коллеги, кибербуллинг позволяет преследователю достигать свою жертву постоянно, в любое время дня и ночи. Одно враждебное действие преследователя может быть многократно повторено им на разных ресурсах и вольно или невольно «растравлено» другими пользователями [17], что трансформирует однократный акт агрессии в повторяемый и создает эффект дисбаланса сил. Неравенство сил также создается за счет разного уровня цифровой компетентности [17].

Р. К. Smith и его коллеги [18] в понятии кибербуллинга выделяют семь подкатегорий:

- 1) буллинг текстовыми сообщениями;
- 2) буллинг в виде фото- или видеоклипов (с помощью камер мобильных телефонов);
- 3) буллинг телефонными звонками (через мобильные телефоны);
- 4) буллинг по электронной почте;
- 5) буллинг в чате;
- 6) буллинг посредством обмена мгновенными сообщениями;
- 7) буллинг через веб-сайты [18].

Как видно, подобная классификация в первую очередь связана с программно-технической составляющей, а не с содержанием травли.

N. E. Willard [13] выделяет такие виды кибербуллинга, как флейминг, домогательства (харассмент), очернение, самозванство (выдача себя за другое лицо), аутинг и обман, исключение и киберпреследование [13].

Флейминг – это онлайн-«сражения» с использованием электронных сообщений гневным и вульгарным языком.

Домогательство – неоднократная отправка оскорбительных и грубых сообщений.

Очернение – это отправка или размещение жестоких сплетен или слухов о человеке с целью нанести ущерб его или ее репутации или дружеским отношениям; «опускание» кого-то онлайн.

Самозванство, выдача себя за другое лицо – взлом чьей-либо учетной записи, выдача себя за этого человека и отправка сообщений с целью выставить этого человека в плохом свете, навлечь на него неприятности или опасность или нанести ущерб репутации или дружбе этого человека.

Аутинг и обман состоят в том, что агрессор делится чьими-то секретами, или смущающей информацией, или изображениями в интернете или обманом вынуждает кого-либо, чтобы он раскрыл секреты или смущающую информацию, которой затем делится агрессор.

Исключение состоит в том, что агрессор намеренно исключает кого-то из онлайн-группы, например.

Киберпреследование – это неоднократная отправка сообщений, содержащих угрозы причинения вреда или сильно пугающих, а также участие в других онлайн-действиях, которые заставляют человека бояться за свою безопасность [13].

G. Brewer и J. Kerslake подробно рассматривают такие формы кибербуллинга, как оскорбления на онлайн-форумах, комментарии, высмеиваемые на онлайн-форумах, и частные интернет-разговоры, которыми обмениваются без ведома жертвы [19].

L. M. Mureşan описал следующие формы кибербуллинга: публикация раздражающих комментариев, блокировка в онлайн-чатах или группах мессенджеров, ложные профили в социальных сетях, распространение слухов и оскорбительной, унижающей жертву информации в интернете [5]. Этот список достаточно близок к тому, который опубликован N. E. Willard [13].

A. E. Войсунский отмечает, что кибербуллинг во многом провоцируется анонимностью, в том числе и кажущейся [20].

Г. У. Солдатова и А. Н. Ярмина отмечают, что кибербуллинг может охватывать большее число вольных или невольных участников за счет того, что в Сети множество людей могут оказаться в числе свидетелей травли. Однако роль свидетеля (или наблюдателя, как ее обозначают в своей статье Г. У. Солдатова и А. Н. Ярмина) является наименее изученной [21].

В работе Г. У. Солдатовой и ее коллег указано, что дистантность кибербуллинга усиливает «эффект свидетеля», превращая свидетелей травли в молча-

ливых наблюдателей происходящего, которые не вмешиваются в сложившуюся напряженную ситуацию [17].

Свидетели традиционного буллинга и кибербуллинга

Важный вопрос, который возникает при рассмотрении такой темы, как буллинг (как традиционный, так и кибербуллинг), – это поведение свидетеля, который может вмешаться и изменить ситуацию, облегчая положение жертвы или усугубляя его. Фактически вмешательство свидетеля может уменьшить или свести на нет дисбаланс сил, а может его увеличить. Поэтому необходимо изучить роль свидетеля и факторы, которые побуждают его вмешиваться.

Согласно мнению, высказанному А. DeSmet и ее коллегами в 2018 г., положительное поведение сторонних наблюдателей при кибербуллинге среди подростков может эффективно уменьшить кибербуллинг и его вред для жертвы [22]. В работе бельгийского коллектива 2019 г. [23] S. Bastiaensens и ее коллеги показали, что онлайн-поддержка сверстников может быть полезна для того, чтобы помочь жертвам кибербуллинга справиться с травлей [23]. Свидетели традиционного буллинга и кибербуллинга могут выбирать разные стратегии, как показано в работе 2021 г. Т. Jungert и его коллег [24]. В своем исследовании Т. Jungert с соавторами провели эксперимент с помощью метода виньеток. Школьникам предлагалось представить себя свидетелями прямой травли и кибербуллинга. Описание кибербуллинга порождало больше стремления защитить жертву, чем описание традиционного буллинга, которое вызывало больше желания присоединиться к травле на стороне агрессора [24].

L. N. Jenkins и ее коллеги показали, что на вмешательство свидетеля в травлю на стороне жертвы влияют тип травли и личное знакомство с жертвой (дружба с жертвой), при этом гендерных отличий во вмешательстве в травлю не было [25]. F. I. García-Vázquez и ее коллеги в своей работе [26] показали, что склонность свидетеля защищать жертву зависит от такого переживания свидетелей, как счастье, и такого качества, как альтруизм.

Готовность свидетеля защищать жертву может быть усилена с помощью внешних факторов. А. Scott и ее коллеги исследовали влияние детских книг, поощряющих вмешательство свидетеля буллинга (на стороне жертвы). Учащиеся в группе, с которой работали по этому методу, охотнее вмешивались в реальный буллинг, чем учащиеся в контрольной группе [27].

Z. Xie и ее коллеги на выборке школьников юго-запада Китая исследовали влияние моральной чувствительности, то есть когнитивного конструкта, позволяющего человеку расшифровывать ситуацию и связанные с ней моральные проблемы, на поведение свидетеля буллинга. Моральная чувствительность коррелирует с положительным поведением свидетеля. Авторы делают вывод о том, что нравственное воспитание школьников поможет предупредить случаи школьной травли [28].

Т. Е. Waasdorp и ее коллеги показали, что готовность свидетелей травли защищать жертву связана со школьным климатом: школы с более высоким уровнем безопасности и вовлеченности учеников в общую атмосферу имели

более высокие шансы на выбор свидетелем стратегии защитника жертвы, а наиболее комфортная, по оценке учащихся, среда была связана с более низкими шансами на пассивное и помогающее агрессору поведение свидетелей [29]. Это перекликается с результатами работы [8], в которой школьный климат назван как один из важнейших предикторов предотвращения травли.

В исследованиях, посвященных кибербуллингу, называются и другие факторы. Так, например, в работе M. Obermaier и ее коллег [30] показано, что чем серьезнее ситуация травли, тем более свидетели кибербуллинга склонны вмешиваться на стороне жертвы. Однако если свидетелей окажется много (до нескольких тысяч человек), то готовность вмешаться отдельного свидетеля упадет [30]. В работе S. Wang и K. J. Kim [31] показано, что на готовность свидетелей помогать жертве кибербуллинга могут влиять разные факторы, в частности, травматический опыт, связанный с травлей в прошлом, а также эмпатический стресс, вызванный наблюдением за кибербуллингом [31].

В исследовании, проведенном A. DeSmet и ее коллегами, участвовали 1979 подростков из 7–9 классов 16 школ Бельгии [22]. Результаты показали, что стремление к позитивному поведению свидетеля в большей степени предсказывалось ожиданиями положительного результата их действий по помощи жертве. Негативное поведение было связано как с собственным намерением свидетелей выступить против жертвы, так и с отсутствием соответствующих социальных навыков и копинг-стратегий. На рост намерения учеников выступить в качестве свидетеля, помогающего жертве кибербуллинга, влияло проведение информационных дней о кибербуллинге [22].

В работе 2020 г. J. Panumaporn и ее коллег [32] было обнаружено, что в большинстве случаев свидетели кибербуллинга либо присоединялись к травле на стороне агрессоров, либо игнорировали травлю, либо вмешивались на стороне жертвы. На стороне жертвы чаще всего вмешивались те свидетели, которые имели опыт кибербуллинга в качестве жертвы либо дружили с жертвой (что перекликается с результатами работы [25]). Чаще всего игнорировали кибербуллинг, происходящий на глазах у широкой аудитории, что перекликается с результатами работы [30]. Люди, имеющие опыт кибербуллинга в качестве агрессоров, были склонны присоединяться к травле [32].

Е. В. Бочкарева и Д. А. Стренин в своей работе [14] высказали относительно свидетелей кибербуллинга точку зрения, аналогичную J. Panumaporn и ее коллег в работе [32]. Они подразделяют свидетелей на «подстрекателей», которые одобряют и подстрекают агрессора, аутсайдеров, которые молча наблюдают, и защитников, которые поддерживают жертву во время атаки и помогают ей [14].

В работе S. Bastiaensens и ее коллег 2014 г. [33] показано, что на намерение свидетелей кибербуллинга помочь жертве влияет прошлая травма в качестве жертвы кибербуллинга, при этом намерение свидетеля встать на сторону агрессора падало по мере усиления серьезности эпизода травли. Также на намерение помочь жертве влияло наличие в той же среде друзей свидетеля. Если

свидетель видел, что его окружают друзья, он охотнее помогал жертве, чем тогда, когда рядом были просто знакомые люди [33].

Однако прошлый опыт кибербуллинга не всегда оказывает положительное влияние на готовность свидетеля помочь жертве. В другой работе того же коллектива S. Pabian, S. Bastiaensens и их коллеги продемонстрировали, что, если свидетель кибербуллинга уже наблюдал кибербуллинг в прошлом, его эмпатия по отношению к жертвам кибербуллинга в настоящем снижается по сравнению с таковой у свидетеля, который наблюдает кибербуллинг впервые [34].

Обращает на себя внимание тот факт, что в литературе, изучающей стратегию поведения свидетелей, не упоминается такой возможный вариант действия, как обращение за помощью к взрослым, родителям или педагогам. При этом данная стратегия предлагается в качестве рекомендации жертве. Например, её упоминают Е. А. Бенгина и С. А. Гришаева в своей работе [34].

Таким образом, на основании анализа литературы мы можем сформулировать основные понятия.

Буллинг (традиционный буллинг, школьная травля) – это преднамеренные повторяющиеся агрессивные действия одних учеников в адрес других учеников, при которых агрессоры пользуются дисбалансом сил в свою пользу. Буллингом не являются ни дружеские поддразнивания (сделанные без желания задеть, унижить, причинить боль), ни ссора двух детей, равных по силе и влиянию на других учеников. Буллинг бывает:

- *физический* (когда агрессоры используют побои, пинки, щипки, отнимают и/или портят вещи;

- *вербальный* (когда агрессоры допускают раздражающие или оскорбительные высказывания в адрес жертвы, используют оскорбительную ложь и клевету в адрес жертвы);

- *социальный* (когда жертва подвергается игнорированию или бойкоту, ее не берут в общие проекты, в команды, не желают иметь с жертвой дела).

Кибербуллинг не имеет настолько однозначного определения. В рамках данной работы мы будем понимать под *кибербуллингом* намеренные издевательства над другим человеком с использованием информационно-коммуникативных технологий. Отношение кибербуллинга и киберагрессии мы будем рассматривать следующим образом: если речь идёт о феноменологическом характере киберагрессии, т. е. киберагрессии как явления, то это понятие шире, чем кибербуллинг, и включает его в себя, так как для того, чтобы речь шла о киберагрессии, достаточно одного оскорбительного комментария, а для того, чтобы зафиксировать факт кибербуллинга, такие комментарии должны появляться систематически. Если же мы будем рассматривать киберагрессию и кибербуллинг процессуально, то соотношение этих понятий изменится: кибербуллинг как процесс состоит из отдельных актов киберагрессии. Очевидно, что социальная травля возможна также и в кибербуллинге: информационно-коммуникативные системы позволяют блокировать жертве возможность оставлять посты и комментарии в сообществе, в личном аккаунте агрессора, также

жертву могут удалить из сообщества, удалить или изначально не включать в чат или мессенджер. Физическая травля по понятным причинам невозможна при кибербуллинге. Выделять вербальную травлю в отдельную разновидность не представляется целесообразным, так как большая часть взаимодействий в интернете осуществляется вербально, таким образом, данная группа разновидностей кибербуллинга окажется слишком общей, чтобы с ней можно было работать. Предложенные в литературе виды кибербуллинга мы предлагаем объединять следующим образом:

- *социальный кибербуллинг*, к которому, кроме игнорирования или бойкота, также были отнесены такие формы кибербуллинга, как распространение клеветы и порочащих жертву фото- и видеоматериалов, так как данные виды травли предполагают взаимодействие в первую очередь не с жертвой, а с ее окружением;
- *личный кибербуллинг*, при котором оскорбительные сообщения или комментарии в сообществах и на форумах пишутся непосредственно жертве;
- *кибербуллинг с использованием фальшивых (фейковых) аккаунтов (фейк-травля)*, который позволяет агрессору отправлять сообщения и комментарии, оставаясь анонимным;
- *самозванство* при помощи захвата аккаунта жертвы или создания копии.

При изучении литературы мы обратили внимание, что в ней не различаются ситуации, при которых кибербуллинг осуществляется соучениками жертвы, и ситуации, при которых жертву преследуют незнакомые люди, возможно, взрослые. В нашем исследовании кибербуллинг будет разделяться на внутришкольный и внешкольный.

В литературе выделяются различные стратегии поведения свидетелей кибербуллинга. В первую очередь это вмешательство на стороне жертвы, присоединение к агрессии и игнорирование ситуации. Можно обратить внимание, что, хотя под вмешательством на стороне жертвы понимается как эмоциональная поддержка жертвы, так и непосредственное вмешательство в ситуацию травли, в литературе не упоминается привлечение взрослых (родителей, педагогов, администрацию ресурса) для решения проблемы как возможная стратегия свидетеля.

Исходя из всего вышесказанного мы сформулировали следующую гипотезу исследования: большинство свидетелей буллинга (как традиционного, так и кибербуллинга) сделают выбор в пользу прекращения травли посредством той или иной стратегии, в том числе привлекая помощь других людей (друзей, родителей, педагогов, администрацию интернет-ресурсов).

Методология, материалы и методы

В ходе формирования опросника и оценки полученных результатов в качестве основы использовалась гуманистическая методология, разработанная К. Роджерсом, Г. Олпортом и др. Гуманистическая методология при изучении человека и человеческих отношений опирается прежде всего на субъективную

картину мира. Поскольку буллинг (как традиционный, так и в особенности кибербуллинг) является значимым межличностным процессом, в котором первоочередное значение остается за взаимной оценкой и самооценкой действий и психологического состояния субъекта коммуникации, выбор гуманистического подхода представляется единственно оправданным.

Человека информационной эпохи в наибольшей степени описывают такие элементы, как осознание человеком себя, выбор и активная позиция, предполагаемая гуманистическим подходом, его интенциональность, обращенность в будущее, цели, ценности и смысл. Явления на стыке между инфосферой и «телесной» коммуникацией, к которым относится школьный кибербуллинг, возникающий в первую очередь как перенос групповой агрессии из офлайн-в онлайн-коммуникативную среду, представляют принципиальный интерес.

С другой стороны, используя гуманистический подход с его установкой на интенциональность и целостность, мы можем дать онлайн-коммуникации характеристику среды, создающей возможность для формирования интенционально построенной модели поведения, псевдосвободной от социального опыта и установок изначального субъекта, но на самом деле неизбежно связанного на этот опыт как единственно возможную точку восприятия реальности как на формирующий это восприятие интерпретативный код.

При работе с результатами проведенного опроса мы исходили из представления, что респондент сам выстраивает образ себя и свою систему представлений о себе и своем окружении в определенную информационную систему. Она целостна, поэтому, даже если респондент сознательно искажает факты, он при этом опирается на некие актуальные представления о том, как должна выглядеть правда. В результате мы получаем возможность получить достаточно объективный срез этих представлений, который, собственно, и интересует нас в рамках гуманистического подхода.

Однако этот подход неизбежно формирует ограничения исследования: мы получаем субъективную картину школьной травли и кибербуллинга, существующую у учащихся, проживающих на определенной территории (в нашем случае мы получаем срез субъективной картины буллинга учащихся Свердловской области в 2021 г. Тем не менее даже субъективные результаты позволяют сделать ряд практических выводов, по крайней мере на ценностном уровне.

Методом данного исследования является опрос в населенных пунктах Свердловской области. Он был выполнен в форме онлайн-анкетирования при поддержке Института развития образования Свердловской области в рамках научного проекта № 19-29-14176.

Участниками исследования были 1762 обучающихся школ и учреждений среднего профессионального образования, из них:

- 4,7 % – обучающиеся начальной школы (1–4-е классы);
- 71,9 % – обучающиеся средней школы (5–9-е классы);
- 22,2 % – обучающиеся старшей школы (10–11-е классы);

1,2 % – обучающиеся учреждений среднего профессионального образования.

Из участников исследования в Екатеринбурге проживают около 27 % из всех респондентов, остальные проживают в Свердловской области.

Разработанная анкета разделена на четыре смысловые части:

1. Буллинг (школьная травля).
2. Внутришкольный кибербуллинг.
3. Внешкольный кибербуллинг.
4. Стратегии поведения свидетелей буллинга и кибербуллинга.

На каждый вопрос первых трех частей предлагаются ответы «никогда/редко/часто/всегда». Каждая из первых трех частей опросника начинается с вопроса-дискриминатора, цель которого – отнести респондентов к той или иной группе участников буллинга: жертвы буллинга, зачинщики, иницирующие и координирующие травлю, рядовые участники и свидетели буллинга. Результаты данного исследования уже публиковались в работах [10; 15; 36]. В рамках данной работы мы будем рассматривать результаты только тех респондентов, которые на вопрос об опыте наблюдения буллинга (традиционного или кибербуллинга) со стороны указали «всегда», «часто» или «редко». В рамках первых трех частей свидетелей спрашивали о проявлениях травли, которые им приходилось наблюдать. При обработке результатов вопросы были объединены в шкалы:

I. Традиционный буллинг:

1. Социальная травля.
2. Физическая травля.
3. Вербальная травля.
4. Перенос травли в интернет.

II. Внутришкольный кибербуллинг:

1. Социальная травля.
2. Личная травля.
3. Фейк-травля.
4. Самозванство.

III. Внешкольный кибербуллинг:

1. Социальная травля.
2. Личная травля.
3. Фейк-травля.
4. Самозванство.

В рамках анализа результатов четвертой части, посвященной стратегии свидетелей, были выделены следующие формы реакции на травлю:

I. Невмешательство:

1. Свидетель ничего не делает и ни с кем не обсуждает (ситуацию травли).
2. Свидетель игнорирует ситуацию травли.

II. Поддержка жертвы:

1. Свидетель поддерживает жертву, заступаясь за нее перед агрессорами, старается вербальным способом разрешить конфликт.

2. Свидетель поддерживает жертву с помощью разговоров, советов и утешений, не вмешиваясь в ситуацию напрямую.

3. Свидетель предлагает помощь своих друзей или родственников, чтобы они заступились за жертву.

4. Свидетель физически защищает жертву (только для традиционного буллинга).

III. Апелляция к другим авторитетам:

1. Свидетель рассказывает о ситуации травли родителям или педагогам.

2. Свидетель ставит в известность администрацию интернет-ресурса, на базе которого происходит травля (только для кибербуллинга).

IV. Присоединение к травле на стороне агрессора.

V. Другое.

В рамках данной работы использовались следующие методы математической статистики:

– коэффициент α Кронбаха для определения внутренней согласованности выделенных в ходе работы шкал анкеты;

– коэффициент корреляции Пирсона для определения связи отдельных вопросов между собой.

Результаты исследования

На опыт свидетеля традиционного буллинга указали 736 человек, школьного кибербуллинга – 354 человека, внешкольного кибербуллинга – 236 человек.

Стратегии реакций свидетелей основных типов травли (традиционный буллинг, внутришкольный кибербуллинг, внешкольный кибербуллинг)

Ниже в таблице 1 будут представлены результаты распределения стратегий реакции свидетелей буллинга на травлю по основным типам травли (традиционный буллинг, внутришкольный кибербуллинг, внешкольный кибербуллинг). В столбцах таблицы представлено количество респондентов, указавших, что они хотя бы редко наблюдали традиционный буллинг или кибербуллинг и одновременно выбравших конкретную стратегию поведения в ситуации травли. Также будет указано, какой процент от выборки свидетелей представляет это количество.

Таблица 1

Стратегии реакции свидетелей буллинга на травлю

Table 1

Strategies for the reaction of bullying bystanders

Стратегии реакции свидетелей буллинга (варианты ответов в опроснике) <i>Strategies for the reaction of bullying bystanders (answer options in the inventory)</i>	Школьная травля, N = 736, количество ответивших / % <i>School bullying, N = 736, number of respondents / %</i>	Кибербуллинг в школе, N = 354 количество ответивших / % <i>School cyberbullying, N = 354, number of respondents / %</i>	Кибербуллинг вне школы, N = 236 количество ответивших / % <i>Non-school cyberbullying, N = 236, number of respondents / %</i>
Ничего не делаете и ни с кем не обсуждаете <i>You do not do anything and you do not discuss it with anyone</i>	188/25,54	99/27,96	52/22,03
Игнорируете ситуацию <i>Ignoring the situation</i>	98/13,32	59/16,67	48/20,34
Поддерживаете жертву, пытаетесь решить вопрос с помощью разговоров, уговоров или хитрости / Поддерживаете жертву, пытаетесь вместо нее ответить хейтерам <i>Support the victim by trying to solve the issue with the help of conversations, persuasion or tricks / Support the victim by trying to answer the haters instead</i>	130/17,66	42/11,86	26/11,02
Морально поддерживаете жертву, давая советы, сочувствуя или успокаивая, но не вмешиваясь в ситуацию <i>Morally support the victim by giving advice, sympathising or calming, but not interfering in the situation</i>	91/12,36	36/10,17	26/11,02
Предлагаете помощь своих друзей или родственников, чтобы они решили ситуацию с помощью уговоров или хитрости (школьная травля) / Предлагаете помощь своих друзей или родственников, чтобы они ответили вместо жертвы хейтерам или как-то иначе разобрались с проблемой (школьный и внешкольный кибербуллинг) <i>Offer the help of your friends or relatives so that they solve the situation with the help of persuasion or cunning (school bullying) / Offer the help of your friends or relatives so that they respond instead of the victim to haters or otherwise sort out the problem (school and non-school cyberbullying)</i>	22/2,99	9/2,54	8/3,39

Поддерживаете жертву с помощью физической силы <i>Support the victim with physical force</i>	23/3,13%	–	–
Рассказываете о ситуации взрослым (родителям или педагогам) <i>Tell adults (parents or teachers) about the situation</i>	172/23,37	81/22,88	42/17,80
Ставите в известность администрацию ресурса <i>Inform the resource administration</i>	–	21/5,93	28/11,86
Присоединяетесь к травле <i>Join the bullying</i>	5/0,68	2/0,56	3/1,27
Другое <i>Other</i>	7/0,95	5/1,41	3/1,27

Как видно из таблицы 1, чаще всего ученики, бывшие свидетелями и школьной травли, и школьного и внешкольного кибербуллинга, выбирают ни во что не вмешиваться. Реже всего (не считая варианта «другое») они присоединялись к травле на стороне преследователя.

Стратегии свидетелей были объединены в группы «невмешательство», «поддержка», «апелляция к авторитетам», «присоединение к травле», «другое». Результаты представлены в таблице 1а.

Таблица 1а

Стратегии реакции свидетелей буллинга на травлю (обобщение)

Table 1a

Strategies for the reaction of bullying bystanders (synthesis)

Обобщенные стратегии реакции свидетелей буллинга <i>Integrated strategies for the reaction of bullying bystanders (answer options in the inventory)</i>	Школьная травля, N = 736, количество ответивших / % <i>School bullying, N = 736, number of respondents / %</i>	Кибербуллинг в школе, N = 354 количество ответивших / % <i>School cyberbullying, N = 354, number of respondents / %</i>	Кибербуллинг вне школы, N = 236 количество ответивших / % <i>Non-school cyberbullying, N = 236, number of respondents / %</i>
Невмешательство <i>Non-interference</i>	286/38,86	158/44,63	11/42,37
Поддержка жертвы <i>Assistance for the victim</i>	266/36,14	87/24,58	60/25,42
Апелляция к другим авторитетам <i>Appeal to other authorities</i>	172/23,37	100/28,25	70/29,66
Присоединение к травле <i>Join the bullying</i>	5/0,68	2/0,56	3/1,27
Другое <i>Other</i>	7/0,95	5/1,41	3/1,27

Как видно из таблицы 1а, свидетели школьного буллинга склонны поддерживать жертву практически в равной степени с выбором стратегии невмешательства, однако свидетели как внутри-, так и внешкольного кибербуллинга выбирают невмешательство практически в половину чаще, чем поддержку и помощь жертве. Однако обращение к другим авторитетам: родителям, педа-

гогам, администрации ресурса может помочь свидетелям разрешить ситуацию буллинга без личного вмешательства, и, если учитывать процент свидетелей, выбирающих эту стратегию, среди свидетелей, пытающихся справиться с травлей, стратегия «Невмешательство» уже не может рассматриваться как наиболее предпочитаемая.

Далее ответы испытуемых были переведены в числовую форму – в шкалу от 0 до 3 баллов. Ответ «никогда» был переведен в значение 0 баллов, ответ «редко» – в 1 балл, «часто» – 2 балла, «всегда» – 3 балла. Полученные числовые результаты позволили провести исследование отдельных видов школьной травли и кибербуллинга (см. разделы 3.2–3.4).

Виды школьной травли

В рамках школьной травли были выделены следующие виды травли:

- социальная травля, в которую включались ответы, связанные с игнорированием, бойкотом и исключением жертвы из общей деятельности;
- физическая травля, то есть прямое причинение жертве или ее вещам физического вреда;
- вербальная травля, то есть словесные оскорбления по адресу жертвы;
- перенос травли в интернет.

В шкале «Социальная травля» 4 вопроса, поэтому теоретически респонденты могли бы набрать 12 баллов по этой шкале, ответив «всегда» на все вопросы, в шкале «Физическая травля» 3 вопроса, таким образом, теоретический максимум по этой шкале представляет собой 9 баллов. В оставшихся двух шкалах по одному вопросу. Эта неравномерность не позволяет сравнивать результаты шкал между собой, поэтому в данной работе мы ограничимся сравнением результатов, показанных свидетелями, выбравшими различные стратегии реакции на буллинг, внутри каждой шкалы в отдельности от других шкал. Прежде чем сравнивать между собой эти результаты, мы провели исследование согласованности шкал «Социальная травля» и «Физическая травля» в рамках школьного буллинга. В таблице 2 приведены данные о согласованности выделенных шкал школьного буллинга, рассчитанной с помощью коэффициента Кронбаха.

Таблица 2

Внутренняя согласованность шкал части анкеты, посвященной школьной травле, определенная с помощью коэффициента α Кронбаха, $N = 736$

Table 2

Internal consistency of the scales of the School Bullying Block of the inventory determined by Cronbach's alpha, $N = 736$

	Социальная травля <i>Social bullying</i>	Физическая травля <i>Physical bullying</i>
Коэффициент α Кронбаха <i>Cronbach's alpha</i>	0,70	0,61

Как видно из таблицы 2, согласованность шкалы «Социальная травля» может считаться достаточной ($0,7 \leq \alpha \leq 0,8$), а шкала «Физическая травля» имеет

сомнительную согласованность ($0,6 \leq \alpha \leq 0,7$). По всей видимости, такие ситуации, как бойкот, постановка условий, на которых с жертвой будут дружить, сокрытие важной учебной информации и отказ выполнять совместно с жертвой учебные задания, т. е. те ситуации, о которых спрашивали в вопросах, входящих в шкалу «Социальная травля», являются явлениями одного порядка, связанными между собой. В то же время случаи причинения вреда жертве и/или ее вещам, избиения жертвы и предложение избить жертву друзьям агрессора, не учащимся в одном классе с жертвой и агрессором, по всей видимости, не связаны между собой.

Поскольку в шкалах «Вербальная травля» и «Перенос травли в интернет» содержится всего по одному вопросу, внутренняя согласованность для них не была рассчитана.

В таблице 3 приведены данные о том, какой вид травли замечали свидетели традиционного буллинга, выбравшие ту или иную стратегию реакции на травлю.

Таблица 3

Виды традиционного буллинга, замеченные свидетелями, выбравшими различные стратегии реакции на травлю, $N = 736$

Table 3

Types of traditional bullying observed by bystanders who chose different strategies of reaction to bullying, $N = 736$

Стратегии реакции свидетелей буллинга (варианты ответов в опроснике) <i>Strategies for the reaction of bullying bystanders (answer options in the inventory)</i>	Социальная травля: min = 0, max = 11, теор. max = 12 <i>Social bullying:</i> min = 0, max = 11, theoretical max = 12	Физическая травля: min = 0, max = 8, теор. max = 9 <i>Physical bullying:</i> min = 0, max = 8, theoretical max = 9	Вербальная травля: min = 0, max = 3, теор. max = 3, среднее значение <i>Verbal bullying:</i> min = 0, max = 3, theoretical max = 3	Перенос травли в интернет: min = 0, max = 3, теор. max = 3 <i>Transferring bullying to the Internet:</i> min = 0, max = 3, theoretical max = 3
Невмешательство <i>Non-interference</i>				
Ничего не делаете и ни с кем не обсуждаете <i>You do not do anything and you do not discuss it with anyone</i>	2,25	1,59	0,94	0,29
Игнорируете ситуацию <i>Ignoring the situation</i>	2,48	1,96	1,36	0,41
Поддержка жертвы <i>Assistance for the victim</i>				
Поддерживаете жертву, пытаясь решить вопрос с помощью разговоров, уговоров или хитрости <i>Support the victim by trying to solve the issue with the help of conversations, persuasion or tricks</i>	2,39	1,45	1,25	0,28

Морально поддерживаете жертву, давая советы, сочувствуя или успокаивая, но не вмешиваясь в ситуацию <i>Morally support the victim by giving advice, sympathising or calming, but not interfering in the situation</i>	2,47	1,79	1,25	0,36
Предлагаете помощь своих друзей или родственников, чтобы они решили ситуацию с помощью уговоров или хитрости (школьная травля) <i>Offer the help of your friends or relatives so that they solve the situation with the help of persuasion or cunning (school bullying)</i>	2,55	1,64	0,77	0,45
Поддерживаете жертву с помощью физической силы <i>Support the victim with physical force</i>	2,04	1,48	1,17	0,17
Апелляция к другим авторитетам <i>Appeal to other authorities</i>				
Рассказываете о ситуации взрослым (родителям или педагогам) <i>Tell adults (parents or teachers) about the situation</i>	2,68	1,60	1,09	0,33
Присоединение к травле <i>Join the bullying</i>	2,40	2,00	1,40	0,80
Другое <i>Other</i>	9,71	2,14	1,71	0,43

Примечание. В ячейках таблицы 3, так же как и таблиц 5 и 7 (см. ниже), указано среднее значение показателей каждой шкалы, определенное у респондентов, указавших себя как свидетели, выбирающие указанную в первой колонке стратегию реакции на травлю.

Note. The cells of the table 3 as well as tables 5 and 7 (see below) indicate the average value of the indicators of each scale, determined by the respondents who identified themselves as witnesses, choosing the strategy of reaction to bullying indicated in the first column.

Как видно из таблицы 3, о социальной травле (бойкот жертвы и т. п.) в опроснике чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие рассказывать о наблюдаемом буллинге родителям или педагогам. О физической и вербальной травле, а также о переносе травли в интернет чаще всего в опроснике сообщали свидетели, предпочитающие присоединяться к травле на стороне преследователя.

Виды внутришкольного кибербуллинга

В кибербуллинге (как внутри-, так и внешкольном) были выделены такие виды травли, как:

- социальная травля (бойкот, игнорирование, исключение из сообществ, не включение в чаты, а также клевета);
- личная травля (отправка неприятных, в том числе оскорбительных или шокирующих сообщений);
- травля с использованием фейковых аккаунтов (фейк-травля);
- самозванство (захват аккаунта жертвы и создание копии аккаунта жертвы).

В шкале «Социальная травля» 3 вопроса, поэтому теоретически респонденты могли бы набрать 9 баллов по этой шкале, ответив «всегда» на все вопросы, в шкале «Личная травля» 4 вопроса, таким образом, теоретический максимум по этой шкале представляет собой 12 баллов. В шкале «Фейк-травля» также 4 вопроса, поэтому теоретический максимум достигает 12 баллов. В шкале «Самозванство» 2 вопроса, таким образом, теоретический максимум равен 6 баллам. Эта неравномерность не позволяет сравнивать результаты шкал между собой, поэтому в данной работе мы ограничимся сравнением результатов, показанных свидетелями, выбравшими различные стратегии реакции на кибербуллинг, внутри каждой шкалы в отдельности от других шкал. Прежде чем сравнивать между собой эти результаты, мы провели исследование согласованности шкал «Социальная травля», «Личная травля» и «Фейк-травля» в рамках внутришкольного кибербуллинга. В таблице 4 приведены данные о согласованности выделенных шкал внутришкольного кибербуллинга, рассчитанной с помощью коэффициента Кронбаха. В шкале «Самозванство» в блоке «Внутришкольный кибербуллинг» было всего два вопроса (посвященные самозванству с помощью «взлома» чужого аккаунта и самозванству с помощью создания копии чужого аккаунта), поэтому внутренняя согласованность для этой шкалы не определялась, вместо этого была рассчитана корреляция с использованием коэффициента Пирсона.

Таблица 4

Внутренняя согласованность шкал части анкеты, посвященной внутришкольному кибербуллингу, определенная с помощью коэффициента α Кронбаха, $N = 354$

Table 4

Internal consistency of the scales of the School Cyberbullying Block of the inventory determined by Cronbach's alpha, $N = 354$

	Социальная травля <i>Social bullying</i>	Личная травля <i>Personal bullying</i>	Использование фейковых аккаунтов для травли <i>Using fake account for bullying</i>	Самозванство, корреляция, $r_{\text{крит}} = 0,15, p < 0,01$ <i>Imposture correlation,</i> $r_{\text{крит}} = 0,15, p < 0,01$
Коэффициент α Кронбаха <i>Cronbach's alpha</i>	0,71	0,51	0,83	0,51

Как видно из таблицы 4, шкала «Социальная травля» в блоке «Внутришкольный кибербуллинг» имеет достаточную согласованность ($0,7 \leq \alpha \leq 0,8$), то есть такие явления, как распространение клеветы, бойкот, невключение жертвы в чаты класса, создание и распространение оскорбительного фото- и видеоматериала с участием жертвы, связаны между собой. Шкала «Личная травля» в блоке «Внутришкольный кибербуллинг» имеет плохую согласованность ($0,5 \leq \alpha \leq 0,6$), то есть издевки и троллинг, отправка оскорбительных и шокирующих сообщений и «заваливание» многочисленными сообщениями никак между собой не связаны. Шкала «Использование фейковых аккаунтов для травли» в блоке «Внутришкольный кибербуллинг» имеет хорошую согласованность ($0,8 \leq \alpha \leq 0,9$), то есть случаи применения агрессором фейковых аккаунтов для осуществления внутришкольного кибербуллинга связаны между собой

Корреляция, рассчитанная для двух вопросов шкалы «Самозванство», показала, что вопросы данной шкалы в блоке «Внутришкольный кибербуллинг» согласованы, так как связь между ними значима для второго уровня значимости.

В таблице 5 приведены данные о том, какую травлю замечали свидетели внутришкольного кибербуллинга, выбравшие ту или иную стратегию реакции на травлю.

Таблица 5
Виды внутришкольного кибербуллинга, замеченные свидетелями, выбравшими различные стратегии реакции на травлю, $N = 354$

Table 5 Types of school cyberbullying observed by bystanders who chose different strategies of reaction to bullying, $N = 354$				
Стратегии реакции свидетелей буллинга (варианты ответов в опроснике) <i>Strategies for the reaction of bullying bystanders (answer options in the inventory)</i>	Социальная травля: min = 0, max = 9, теор. max = 9 <i>Social bullying:</i> min = 0, max = 9, theoretical max = 9	Личная травля: min = 0, max = 9, теор. max = 12 <i>Personal bullying:</i> min = 0, max = 9, theoretical max = 12	Использование фейковых аккаунтов для травли: min = 0, max = 9, теор. max = 12, среднее значение <i>Using fake account for bullying:</i> min = 0, max = 9, theoretical max = 12	Самозванство: min = 0, max = 4 теор. max = 6, среднее значение <i>Imposture:</i> min = 0, max = 4, theoretical max = 6
Невмешательство <i>Non-interference</i>				
Ничего не делаете и ни с кем не обсуждаете <i>You do not do anything and you do not discuss it with anyone</i>	2,30	1,68	1,20	0,41

Игнорируете ситуацию <i>Ignoring the situation</i>	2,32	1,92	0,93	0,29
Поддержка жертвы <i>Assistance for the victim</i>				
Поддерживаете жертву, пытаясь вместо нее ответить хейтерам <i>Support the victim by trying to answer the haters instead</i>	2,55	2,29	1,07	0,43
Морально поддерживаете жертву, давая советы, сочувствуя или успокаивая, но не вмешиваясь в ситуацию <i>Morally support the victim by giving advice, sympathising or calming, but not interfering in the situation</i>	2,47	1,88	1,02	0,21
Предлагаете помощь своих друзей или родственников, чтобы они ответили вместо жертвы хейтерам или как-то иначе разобрались с проблемой <i>Offer the help of your friends or relatives so that they respond instead of the victim to haters or otherwise sort out the problem</i>	1,56	0,89	1,11	0,11
Апелляция к другим авторитетам <i>Appeal to other authorities</i>				
Рассказываете о ситуации взрослым (родителям или педагогам) <i>Tell adults (parents or teachers) about the situation</i>	2,84	1,89	0,95	0,38
Ставите в известность администрацию ресурса <i>Inform the resource administration</i>	1,81	1,43	0,43	0,24
Присоединение к травле <i>Join the bullying</i>	–	–	–	–
Другое <i>Other</i>	2,80	1,80	0,40	0

Как видно из таблицы 5, в рамках внутришкольного кибербуллинга о социальной травле чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие рассказывать о травле родителям и педагогам. Личную травлю чаще всего замечали свидетели, предпочитающие поддерживать жертву, отвечая вместо нее преследователям. Фейк-травлю чаще всего замечали свидетели, предпочитающие ничего не делать и ни с кем не обсуждать кибербуллинг. Самозванство в рамках внутришкольного кибербуллинга чаще всего замечали свидетели, предпочитающие поддерживать жертву, отвечая вместо нее хейтерам, а также ничего не делать и ни с кем не обсуждать кибербуллинг.

Только два человека из свидетелей внутришкольного кибербуллинга выбрали в качестве своей стратегии присоединение к травле, что недостаточно для значимых выводов, поэтому их результаты не были приведены в таблице 5.

Виды внешкольного кибербуллинга

В рамках внешкольного кибербуллинга были выделены те же шкалы, что и в рамках внутришкольного кибербуллинга. В таблице 6 приведены данные о согласованности выделенных шкал внешкольного кибербуллинга, рассчитанной с помощью коэффициента Кронбаха. Для шкалы «Самозванства» также рассчитывалась корреляция с использованием коэффициента Пирсона.

Как видно из таблицы 6, шкала «Социальная травля» в блоке «Внешкольный кибербуллинг» имеет сомнительную согласованность ($0,6 \leq \alpha \leq 0,7$), то есть такие явления, как распространение клеветы, бойкот, невключение жертвы в чаты тематического сообщества, не связанного с учебным заведением, создание и распространение оскорбительного фото- и видеоматериала с участием жертвы, не связаны между собой, когда речь идет о травле между незнакомыми друг с другом людьми, которые не учатся вместе. Шкала «Личная травля» в блоке «Внешкольный кибербуллинг», напротив, имеет достаточную согласованность ($0,7 \leq \alpha \leq 0,8$), то есть издевки и троллинг, отправка оскорбительных и шокирующих сообщений и «заваливание» многочисленными сообщениями связаны между собой, когда речь идет о травле между незнакомыми друг с другом людьми, которые не учатся вместе. Шкала «Использование фейковых аккаунтов для травли» в блоке «Внешкольный кибербуллинг» имеет хорошую согласованность ($0,8 \leq \alpha \leq 0,9$), то есть случаи применения агрессором фейковых аккаунтов для осуществления внутришкольного кибербуллинга связаны между собой не только в случае внутришкольного кибербуллинга, но и в случае внешкольного кибербуллинга.

Таблица 6
Внутренняя согласованность шкал части анкеты, посвященной внешкольному кибербуллингу, определенная с помощью коэффициента α Кронбаха, $N = 236$

Table 6
Internal consistency of the scales of the Non-school Cyberbullying Block of the inventory determined by Cronbach's alpha, $N = 236$

	Социальная травля <i>Social bullying</i>	Личная травля <i>Personal bullying</i>	Использование фейковых аккаунтов для травли <i>Using fake account for bullying</i>	Самозванство, корреляция, $r_{\text{крит}} = 0,15, p < 0,01$ <i>Imposture correlation, $r_{\text{crit}} = 0,15, p < 0,01$</i>
Коэффициент α Кронбаха <i>Cronbach's alpha</i>	0,62	0,80	0,87	0,65

Результат расчета корреляции между двумя вопросами шкалы «Самозванство» показал, что в блоке «Внешкольный кибербуллинг» вопросы данной шкалы также согласованы, так как связь между ними значима для второго уровня значимости.

В таблице 7 приведены данные о том, какую травлю замечали свидетели внешкольного кибербуллинга, выбравшие ту или иную стратегию реакции на травлю.

Таблица 7
Виды внешкольного кибербуллинга, замеченные свидетелями, выбравшими различные стратегии реакции на травлю, $N = 236$

Table 7
Types of non-school cyberbullying observed by bystanders who chose different strategies of reaction to bullying, $N = 236$

Стратегии реакции свидетелей буллинга (варианты ответов в опроснике) <i>Strategies for the reaction of bullying bystanders (answer options in the inventory)</i>	Социальная травля: min = 0, max = 8, теор. max = 9 <i>Social bullying: min = 0, max = 8, theoretical max = 9</i>	Личная травля: min = 0, max = 12, теор. max = 12 <i>Personal bullying: min = 0, max = 12, theoretical max = 12</i>	Использование фейковых аккаунтов для травли: min = 0, max = 12, теор. max = 12 <i>Using fake account for bullying: min = 0, max = 12, theoretical max = 12</i>	Самозванство: min = 0, max = 6 теор. max = 6 <i>Imposture: min = 0, max = 6, theoretical max = 6</i>
Невмешательство <i>Non-interference</i>				
Ничего не делаете и ни с кем не обсуждаете <i>You do not do anything and you do not discuss it with anyone</i>	1,62	2,02	1,50	0,71
Игнорируете ситуацию <i>Ignoring the situation</i>	2,06	3,39	2,92	0,92
Поддержка жертвы <i>Assistance for the victim</i>				
Поддерживаете жертву, пытаетесь вместо нее ответить хейтерам <i>Support the victim by trying to answer the haters instead</i>	1,85	2,50	1,54	0,69
Морально поддерживаете жертву, давая советы, сочувствуя или успокаивая, но не вмешиваясь в ситуацию <i>Morally support the victim by giving advice, sympathising or calming, but not interfering in the situation</i>	2,73	3,62	3,42	1,12

Предлагаете помощь своих друзей или родственников, чтобы они ответили вместо жертвы хейтерам или как-то иначе разобрались с проблемой <i>Offer the help of your friends or relatives so that they respond instead of the victim to haters or otherwise sort out the problem</i>	1,75	2,25	1,63	1,00
Апелляция к другим авторитетам <i>Appeal to other authorities</i>				
Рассказываете о ситуации взрослым (родителям или педагогам) <i>Tell adults (parents or teachers) about the situation</i>	2,33	2,57	2,48	1,02
Ставите в известность администрацию ресурса <i>Inform the resource administration</i>	2,32	2,25	1,93	1,11
Присоединение к травле <i>Join the bullying</i>	–	–	–	–
Другое <i>Other</i>	–	–	–	–

Как видно из таблицы 7, в рамках внешкольного кибербуллинга все виды травли (социальную, личную, фейк-травлю и самозванство) чаще всего замечали свидетели, предпочитающие морально поддерживать жертву, не вмешиваясь в ситуацию напрямую. Те, кто выбирал «ничего не делать», реже, чем приверженцы других стратегий, сталкивались со всеми видами внешкольного кибербуллинга: и с социальной, и с личной, и с фейк-травлей, и с самозванством.

Только три человека из свидетелей внешкольного кибербуллинга выбрали в качестве своей стратегии присоединение к травле, и три человека выбрали ответ «другое», что недостаточно для значимых выводов, поэтому их результаты не были приведены в таблице 7.

Обсуждение

Вслед за D. Olweus, [1], W. Heirman M. Walrave [2], L. Corcoran и ее коллегами [3], L. Chen и его коллегами [4] мы разделяем традиционный буллинг, осуществляемый учащимися в реальной жизни, и кибербуллинг, происходящий в рамках сети Интернет. Также мы разделяем кибербуллинг на внутришкольный, являющийся, по сути, продолжением традиционного буллинга, и внешкольный, при котором участники зачастую незнакомы друг с другом.

На опыт свидетеля традиционного буллинга указали 736 человек, внутришкольного кибербуллинга – 354 человека, внешкольного кибербуллинга – 236 человек. Как можно увидеть, дети чаще наблюдают традиционный буллинг, чем кибербуллинг. Несмотря на распространенность мнения относительно

важности такой характеристики кибербуллинга, как анонимность, указанной, например, в работе А. Е. Войскунского [20], дети также чаще наблюдают буллинг в школьных интернет-ресурсах между знакомыми друг с другом людьми.

Важным аспектом изучения буллинга являются действия свидетелей и различия между предпочитаемыми действиями свидетелей буллинга в разных условиях. Участникам данного исследования задавались вопросы относительно их действий в тех случаях, когда они замечали традиционный буллинг в своем учебном заведении, внутришкольный кибербуллинг в рамках интернет-ресурсов учебного заведения (школьный кибербуллинг) и внешкольный кибербуллинг.

Результаты показали, что наиболее часто (39 % ответов при традиционном школьном буллинге, 45% ответов при школьном кибербуллинге, 42 % ответов при внешкольном кибербуллинге) участники выбирали невмешательство. Реже всего они выбирали ответ «присоединиться к травле»: 0,7 % (традиционный буллинг), 0,6 % школьный кибербуллинг, 1,27 % (внешкольный кибербуллинг). Среди свидетелей традиционного буллинга ответы, связанные с помощью жертве, встречались чаще, чем среди свидетелей школьного и внешкольного кибербуллинга: 36 % (традиционный буллинг), 25 % (школьный кибербуллинг), 25 % (внешкольный кибербуллинг).

Это расходится с данными из литературы. Так, например, в работе T. Jungert et al. и его коллег участники выражали больше склонности защищать жертву кибербуллинга, чем традиционного буллинга, и меньше склонности присоединяться к травле [24]. Возможно, причиной такого расхождения являются разные методы: в нашем исследовании респондентов спрашивали о том, как они себя обычно ведут, а в исследовании, описанном в [24], участникам предлагались виньетки с вымышленными ситуациями травли.

В литературе не указан такой способ реакции на травлю, как поставить в известность взрослых либо администрацию интернет-ресурса, поэтому у нас нет возможности сравнить полученные результаты по этой стратегии с указанными в других исследованиях. Свидетели традиционного школьного буллинга и школьного кибербуллинга с близкой частотой ставили в известность родителей и педагогов (приблизительно 23 % в обоих случаях), тогда как свидетели внешкольного кибербуллинга указывали, что ставили в известность взрослых, в 18 % случаев. Одновременно с этим свидетели внешкольного кибербуллинга более склонны ставить в известность администрацию ресурса, на котором происходит буллинг, чем свидетели внешкольного кибербуллинга: в 12 % ответов (внешкольный кибербуллинг) против 6 % (школьный кибербуллинг).

Важным вопросом являются виды травли, которую замечали свидетели. Несмотря на то что физическая травля является устоявшимся понятием, используемым различными авторами, например, В. А. Иванюшиной и ее коллегами [8], Е. А. Гусейновой и С. Н. Ениколоповым [6] и т. п., а вопросы, включенные в шкалу «Физическая травля», основывались на действиях агрессора, описанных D. Olweus [1] и L. M. Mureşan [5], шкала «Физическая травля» не

является достаточно согласованной. По-видимому, наблюдения таких событий, как порча имущества, избиения и подстрекательства к избиениям жертвы других людей, не связаны между собой. При этом шкала «Социальная травля» имеет достаточную согласованность, то есть наблюдения за бойкотом, постановкой условий, на которых с жертвой будут дружить, сокрытием важной учебной информации и отказом выполнять совместно с жертвой учебные задания, связаны между собой.

В рамках традиционного школьного буллинга о социальной травле (бойкот жертвы и т. п.) чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие рассказывать о наблюдаемом буллинге родителям или педагогам. О физической и вербальной травле, а также о переносе травли в интернет чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие присоединяться к травле на стороне преследователя.

В рамках кибербуллинга сложно выделить шкалы, аналогичные шкалам традиционного буллинга, поскольку физическая травля в интернете невозможна, а большая часть издевательств (хотя и не все) осуществляется при помощи слов. Поэтому в рамках этой статьи шкалы кибербуллинга были выделены с учетом несколько иных оснований. К социальной травле были отнесены все издеательства, которые осуществляются без прямого контакта с жертвой, влияющие в первую очередь на окружение жертвы, а не на нее саму (не только бойкот и игнорирование, но и исключение жертвы из чатов и сообществ, а также распространение клеветы). Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках внутришкольного кибербуллинга эта шкала является достаточно согласованной, а в рамках внешкольного эта же самая шкала, состоящая из практически тех же самых вопросов, не имеет достаточной согласованности. По всей видимости, это связано с тем, что в рамках внутришкольного кибербуллинга социальная травля осуществляется с вовлечением коллектива, в том числе респондентов, указавших себя как свидетелей, тогда как при внешкольном кибербуллинге свидетели и жертвы могут не входить в референтное множество друг друга, таким образом, свидетели отмечают случайные акты киберагрессии, возможно, не являющиеся последовательным кибербуллингом.

Шкала, обозначенная как «Личная травля», также дала интересный результат в рамках внутришкольного и внешкольного кибербуллинга. В нее были включены вопросы, связанные с воздействием лично на жертву: отправкой ей оскорблений, угроз, фото и видео оскорбительного или шокирующего характера и т. п. Эта шкала имеет плохую согласованность в рамках внутришкольного кибербуллинга, то есть наблюдения респондентов за этими явлениями внутри школьного коллектива никак не связаны между собой. Однако в рамках внешкольного кибербуллинга она имеет достаточную согласованность. Таким образом личная травля вне школьного коллектива имеет систематический характер, тогда как внутри школьного коллектива – это скорее отдельные акты проявления враждебности.

Поскольку сегодня анонимность достигается в первую очередь с помощью использования фейковых аккаунтов, травля с их применением была выделена в отдельную шкалу («Фейк-травля»). Она имеет хорошую согласованность в рамках обоих блоков, то есть наблюдения за травлей с использованием фейковых аккаунтов всегда связаны между собой.

Последняя шкала – «Самозванство» – состоит всего из двух вопросов, поэтому для нее рассчитывался не коэффициент внутренней согласованности, а корреляция. В обоих блоках вопросы этой шкалы значимо связаны друг с другом.

В рамках внутришкольного кибербуллинга о социальной травле чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие рассказывать о травле родителям и педагогам. Личную травлю замечали свидетели, предпочитающие поддерживать жертву, отвечая вместо нее хейтерам. Фейк-травлю чаще всего замечали свидетели, предпочитающие ничего не делать и ни с кем не обсуждать кибербуллинг. Самозванство в рамках внутришкольного кибербуллинга чаще всего замечали свидетели, предпочитающие поддерживать жертву, отвечая вместо нее хейтерам, а также ничего не делать и ни с кем не обсуждать кибербуллинг.

В рамках внешкольного кибербуллинга все виды травли (социальную, личную, фейк-травлю и самозванство) чаще всего замечали свидетели, предпочитающие морально поддерживать жертву, не вмешиваясь в ситуацию напрямую.

Таким образом, можно увидеть, что достаточно большой процент свидетелей всех трех рассматриваемых видов буллинга предпринимает усилия, чтобы остановить травлю или поддержать жертву. Из этих усилий свидетели традиционного школьного буллинга более склонны вмешиваться в ситуацию буллинга сами, а свидетели кибербуллинга (и школьного, и внешкольного) более склонны апеллировать к другим авторитетам (родителям, педагогам, администрации ресурса). Представляет большой интерес тот факт, что, хотя процент тех, кто предпочитает присоединяться к травле на стороне преследователя, невелик, именно представители этой стратегии замечают многие виды традиционного школьного буллинга. Среди свидетелей кибербуллинга наиболее внимательными оказались свидетели, предпочитающие тем или иным образом поддерживать жертву или сообщать о травле родителям. В дальнейшем мы планируем изучение поведения свидетелей и уточнение стратегии их поведения.

Заключение

В результате проведенной работы были сформулированы следующие ответы на вопросы, поставленные во введении:

1. Свидетели всех основных типов травли (традиционный буллинг, внутри- и внешкольный кибербуллинг) больше склонны помогать жертве, чем присоединяться к преследователю. Однако чаще всего они склонны игнорировать ситуацию травли и ничего не предпринимать. С другой стороны, в дан-

ной работе была предложена такая стратегия реакции свидетеля на травлю, как информирование взрослых (родителей, педагогов, администрации Интернет-ресурса). Суммарная доля поддержки жертвы и информирования взрослых выше, чем доля стратегии пассивного поведения. Поэтому можно сделать вывод, что подтверждается гипотеза данной работы – свидетели травли склонны стремиться предотвращать травлю.

2. В рамках традиционного школьного буллинга о социальной травле (бойкот жертвы и т. п.) чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие рассказывать о наблюдаемом буллинге родителям или педагогам. О физической и вербальной травле, а также о переносе травли в интернет чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие присоединиться к травле на стороне преследователя.

В рамках внутришкольного кибербуллинга о социальной травле чаще всего сообщали свидетели, предпочитающие рассказывать о травле родителям и педагогам. Личную травлю чаще всего замечали свидетели, предпочитающие поддерживать жертву, отвечая вместо нее преследователям. Фейк-травлю чаще всего замечали свидетели, предпочитающие ничего не делать и ни с кем не обсуждать кибербуллинг. Самозванство чаще всего замечали свидетели, предпочитающие поддерживать жертву, отвечая вместо нее преследователям, а также ничего не делать и ни с кем не обсуждать кибербуллинг.

В рамках внешкольного кибербуллинга все виды травли (социальную, личную, фейк-травлю и самозванство) чаще всего замечали свидетели, предпочитающие морально поддерживать жертву, не вмешиваясь в ситуацию напряженную.

Таким образом, гипотеза, сформулированная с опорой на научно-педагогическую литературу, нашла свое эмпирическое подтверждение. В дальнейших публикациях предполагается исследовать психологические предикаты поведения свидетелей буллинга в ситуации травли.

Список использованных источников

1. Olweus D. School bullying: Development and some important challenges // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013. № 9. P. 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516
2. Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2008. № 2 (2). Available from: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256> (date of access: 30.04.2023).
3. Corcoran L., Guckin C., & Prentice G. Cyberbullying or cyber aggression?: A review of existing definitions of cyber-based peer-to-peer aggression. *Societies*. 2015. № 5 (2). P. 245–255. DOI: 10.3390/soc5020245
4. Chen L., Ho S. S., Lwin M. O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization. From the social cognitive and media effects approach // *New Media & Society*. 2017. № 19 (8). P. 1194–1213. DOI: 10.1177/1461444816634037
5. Mureșan L. M. Bullying and cyberbullying proximal and specific differences in middle schools in Romania // *European Proceedings of conference: Education, Reflection, Development*. Seventh Edition. 2020. P. 536–544. DOI: 10.15405/epsbs.2020.06.53

6. Гусейнова Е. А., Ениколопов С. Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 2. С. 246–256.
7. Тарасова С. Ю., Осницкий А. К., Ениколопов С. Н. Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 4. С. 102–116. DOI: 10.17759/psyedu.2016080411
8. Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размеров и типа школы [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 220–242. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-4-220-242
9. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом [Электрон. ресурс] // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90
10. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 2. С. 169–205. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205
11. Pabian S., Erreygers S., Vandebosch H., Van Royen K., Dare J., Costello L., Green L., Hawk D., Cross D. “Arguments online, but in school we always act normal”: The embeddedness of early adolescent negative peer interactions within the whole of their offline and online peer interactions // Children and Youth Services Review. 2018. № 86. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.01.007
12. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Минского университета. 2017. № 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17
13. Willard N. E. Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress. Champaign, IL: Research Press, 2007. 311 p.
14. Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97
15. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Кибербуллинг внутри и вне школьного коллектива // Педагогическое образование в России. 2021. № 6. С. 69–79.
16. Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 113–122. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122
17. Солдатова Г. У., Львова Е. Н., Пермякова И. Д. Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции (14–17 февраля 2018, Коломна). Коломна, 2018. С. 380–384.
18. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying // Research Brief No. RBX03-06. London: DfES, 2006. 69 p.
19. Brewer G., Kerslake J. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness // Computers in Human Behavior. 2015. № 48. P. 255–260. DOI: 10.1016/j.chb.2015.01.073
20. Войсунский А. Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы. Человек. 2016. № 1. С. 36–49.
21. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31.
22. DeSmet A., Bastiaensens S., Van Cleemput K., Poels K., Vandebosch H., Deboutte G., Herrewijn L., Malliet S., Pabian S., Van Broeckhoven F., De Troyer O., Deglorie G., Van Hoecke S., Samyn K., De Bourdeaudhuij I. The efficacy of the Friendly Attac serious digital game to promote prosocial bystander

behavior in cyberbullying among young adolescents: A cluster-randomized controlled trial // *Computers in Human Behavior*. 2018. № 78. P. 336–347. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.011

23. Bastiaensens S., Van Cleemput K., Vandebosch H., Poels K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. “Were you cyberbullied? Let me help you”. Studying adolescents’ online peer support of cyberbullying victims using thematic analysis of online support group fora // In: Vandebosch H., Green L. (eds.) *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People*. Cham: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-04960-7_7

24. Jungert T., Karataş P., Iotti N. O., Perrin S. Direct bullying and cyberbullying: Experimental study of bystanders’ motivation to defend victims and the role of anxiety and identification with the bully // *Frontiers in Psychology*. 2021. 11. Article number 616572. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.616572

25. Jenkins L. N., Yang Y., Changlani S. Deconstructing prosocial bullying bystander actions // *Contemporary Educational Psychology*. 2022. DOI: 10.1007/s40688-022-00429-1

26. García-Vázquez F. I., Durón-Ramos M. F., Pérez-Rios R., Pérez-Ibarra R. E. Relationships between spirituality, happiness, and prosocial bystander behavior in bullying – the mediating role of altruism // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2022. № 12. P. 1833–1841. DOI: 10.3390/ejihpe12120128

27. Scott A., Wang C., Cheong Y. The bullying literature project: Promoting bystander behavior using children’s literature // *School Mental Health*. 2023. № 15. P. 123–137. DOI: 10.1007/s12310-022-09537-y

28. Xie Z., Liu, C., Teng Z. The effect of everyday moral sensitivity on bullying bystander behavior: Parallel mediating roles of empathy and moral disengagement // *Journal of Interpersonal Violence*. 2023. Vol. 38, Iss. 11–12. DOI: 10.1177/08862605221147071

29. Waasdorp T. E., Fu R., Clary L. K., Bradshaw C. P. School climate and bullying bystander responses in middle and high school // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2022 Vol. 80. Article number 101412. DOI: 10.1016/j.appdev.2022.101412

30. Obermaier M., Fawzi N., Koch T. Bystanding or standing by? How the number of bystanders affects the intention to intervene in cyberbullying // *New Media & Society*. 2016. № 18 (8). P. 1491–1507. DOI: 10.1177/1461444814563519

31. Wang S., Kim K. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders’ intervening behavior in cyberbullying // *The Social Science Journal*. 2021. DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826

32. Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders’ behaviours and associated factors in cyberbullying // *General Psychiatry*. 2020. № 33 (3). DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187

33. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders’ behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 31. P. 259–271. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.036

34. Pabian S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., Bastiaensens S. Exposure to cyberbullying as a bystander: An investigation of desensitization effects among early adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 62. P. 480–487. DOI: 10.1016/j.chb.2016.04.022

35. Бенгина Е. А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка. // *Вестник университета*. 2018. № 2. С. 153–157

36. Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Цифровая трансформация школьного образования в РФ: управленческие и социально-психологические аспекты: монография // Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 216 с.

References

1. Olweus D. School bullying: Development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013; 9: 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516
2. Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace* [Internet]. 2008 [cited 2023 Apr 30]; 2 (2). Available from: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256>
3. Corcoran L., Guckin C., Prentice G. Cyberbullying or cyber aggression?: A Review of existing definitions of cyber-based peer-to-peer aggression. *Societies*. 2015; 5 (2): 245–255. DOI: 10.3390/soc5020245
4. Chen L., Ho S. S., Lwin M. O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization. From the social cognitive and media effects approach. *Media & Society*. 2017; 19 (8): 1194–1213. DOI: 10.1177/1461444816634037
5. Mureşan L. M. Bullying and cyberbullying proximal and specific differences in middle schools In Romania. In: *European Proceedings of Conference: Education, Reflection, Development*. 7th ed. 2020. p. 536–544. DOI: 10.15405/epsbs.2020.06.53
6. Huseynova E. A., Enikolopov S. N. Influence of the bullying victim position on aggressive behavior. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2014; 6 (2): 246–256. (In Russ.)
7. Tarasova S. J., Osnitsky A. K., Enikolopov S. N. Social-psychological aspects of bullying: Interconnection of aggressiveness and school anxiety. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2016; 8 (4): 102–116. DOI: 10.17759/psyedu.2016080411 (In Russ.)
8. Ivaniushina V., Khodorenko D., Alexandrov D. Age and gender differences and the contribution of school size and type in the prevalence of bullying. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2021; 4: 220–242. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-4-220-242 (In Russ.)
9. Novikova M. A., Rean A. A., Konovalov I. A. Measuring bullying in Russian schools: Prevalence, age and gender correlates, and associations with school climate. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2021; 3: 62–90. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90 (In Russ.)
10. Nazarov V. L., Averbukh N. V., Buinacheva A. V. Bullying and cyberbullying in a modern school. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2022; 24 (2): 169–205. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205 (In Russ.)
11. Pabian S., Erreygers S., Vandebosch H., Van Royen K., Dare J., Costello L., Green L., Hawk D., Cross D. “Arguments online, but in school we always act normal”: The embeddedness of early adolescent negative peer interactions within the whole of their offline and online peer interactions. *Children and Youth Services Review*. 2018; 86. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.01.007
12. Volkova E. N., Volkova I. V. Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the bullying situation. *Vestnik Minskogo universiteta = Bulletin of Minin University*. 2017; 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17
13. Willard N. E. Cyberbullying and cyberthreats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress. Champaign, IL: Research Press 2007. 311 p.
14. Bochkareva E. V., Strenin D. A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 2021; 15 (1): 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97 (In Russ.)
15. Nazarov V. L., Averbukh N. V., Buinachev A. V. Cyberbullying inside and outside the school collectives. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2021; 6: 69–79. (In Russ.)
16. Antipina S. S. Cyber-aggression typology questionnaire: Structure and primary psychometric characteristics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2021; 23 (1): 113–122. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122 (In Russ.)

17. Soldatova G. U., Lvova E. N., Permjakova I. D. The phenomena of traditional bullying and cyberbullying: Similarities and differences. In: Ershova R. V. (Ed.). *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: Sbornik nauchnyh statej i materialov mezhdunarodnoj konferencii = Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: Collection of Scientific Articles and Materials of the International Conference*; 2018 Feb 14–17; Kolomna. Kolomna: State Social and Humanitarian University; 2018. p. 380–384. (In Russ.)
18. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying. Research Brief No. RBX03-062006. London: DfES; 2006. 69 p.
19. Brewer G., Kerslake J. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness. *Computers in Human Behavior*. 2015; 48: 255–260. DOI: 10.1016/j.chb.2015.01.073
20. Voiskunskiy A. E. Behavior in a cyberspace: Some psychological principles. *Chelovek = Human*. 2016; 1: 36–49. (In Russ.)
21. Soldatova G. U., Yarmina A. N. Cyberbullying: Features, role structure, parent-child relationships and coping strategies. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*. 2019; 12 (3): 17–31. (In Russ.)
22. DeSmet A., Bastiaensens S., Van Cleemput K., Poels K., Vandebosch H., De Boutte G., et al. The efficacy of the Friendly Attac serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: A cluster-randomized controlled trial. *Computers in Human Behavior*. 2018; 78: 336–347. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.011
23. Bastiaensens S., Van Cleemput K., Vandebosch H., Poels K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. “Were you cyberbullied? Let me help you”. Studying adolescents’ online peer support of cyberbullying victims using thematic analysis of online support group fora. In: Vandebosch H., Green L. (Eds.). *Narratives in research and interventions on cyberbullying among young people*. Cham: Springer; 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-04960-7_7
24. Jungert T., Karataş P., Iotti N.O., Perrin S. Direct bullying and cyberbullying: Experimental study of bystanders’ motivation to defend victims and the role of anxiety and identification with the bully. *Frontiers in Psychology*. 2021; 11: 616572. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.616572
25. Jenkins L. N., Yang Y., Changlani S., et al. Deconstructing prosocial bullying bystander actions. *Contemporary Educational Psychology*. 2022. DOI: 10.1007/s40688-022-00429-1
26. García-Vázquez F. I., Durón-Ramos M. F., Pérez-Rios R., Pérez-Ibarra R. E. Relationships between spirituality, happiness, and prosocial bystander behavior in bullying – the mediating role of altruism. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2022; 12: 1833–1841. DOI: 10.3390/ejihpe12120128
27. Scott A., Wang C., Cheong Y. The bullying literature project: Promoting bystander behavior using children’s literature. *School Mental Health*. 2023; 15: 123–137. DOI: doi.org/10.1007/s12310-022-09537-y
28. Xie Z., Liu C., Teng Z. The effect of everyday moral sensitivity on bullying bystander behavior: Parallel mediating roles of empathy and moral disengagement. *Journal of Interpersonal Violence*. 2023; 38 (11-12). DOI: 10.1177/08862605221147071
29. Waasdorp T. E., Fu R., Clary L. K., Bradshaw C. P. School climate and bullying bystander responses in middle and high school. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2022; 80: 101412. DOI: 10.1016/j.appdev.2022.101412
30. Obermaier M., Fawzi N., Koch T. Bystanding or standing by? How the number of bystanders affects the intention to intervene in cyberbullying. *New Media & Society*. 2016; 18 (8): 1491–1507. DOI: 10.1177/1461444814563519

31. Wang S., Kim K. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying. *The Social Science Journal*. 2021. DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826

32. Panumaporn J., Hongsangunsri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*. 2020; 33 (3). DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187

33. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully. *Computers in Human Behavior*. 2014; 31: 259–271. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.036

34. Pabian S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., Bastiaensens S. Exposure to cyberbullying as a bystander: An investigation of desensitization effects among early adolescents. *Computers in Human Behavior*. 2016; 62: 480–487. DOI: 10.1016/j.chb.2016.04.022

35. Bengina E., Grishaeva S. Cyberbullying as a new form of danger of the psychological health of a teenager's personality. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2018; 2: 153–157. (In Russ.)

36. Nazarov V. L., Zherdev D. V., Averbuh N. V. Cifrovaja transformacija shkol'nogo obrazovaniya v RF: upravlencheskie i social'no-psihologicheskie aspekty = Digital transformation of school education in the Russian Federation: Managerial and socio-psychological aspects. Ekaterinburg: Ural University; 2021. 216 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Назаров Владимир Лазаревич – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры управления в образовании Института развития образования Свердловской области; ORCID 0000-0001-9236-161X; Екатеринбург, Россия. E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Авербух Наталья Владимировна – старший преподаватель учебно-научного центра «Информационная безопасность» Института радиоэлектроники и информационных технологий – РтФ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-8232-6711; Екатеринбург, Россия. E-mail: natalya_averbuh@mail.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; поступила после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 04.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Vladimir L. Nazarov – Dr. Sci. (Education), Associate Professor, Professor, Department of Organisation of Work with Youth, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Department of Management in Education, Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region; ORCID 0000-0001-9236-161X; Ekaterinburg, Russia. E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Natalya V. Averbukh – Senior Lecturer, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-8232-6711; Ekaterinburg, Russia. E-mail: natalya_averbuh@mail.ru

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the present research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 02.05.2023; revised 29.09.2023; accepted for publication 04.10.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Vladimir Lázarevich Nazárov: Doctor en Ciencias de la Pedagogía, Profesor Asociado, Profesor del Departamento de Organización del Trabajo con la Juventud de la Universidad Federal de los Urales en honor al Primer Presidente de Rusia, B. N. Yeltsin; Profesor del Departamento de Gestión Educativa del Instituto de Desarrollo de la Educación para la Provincia de Sverdlovsk; ORCID 0000-0001-9236-161X; Ekaterimburgo, Rusia. Correo electrónico: v.l.nazarov@urfu.ru

Natalia Vladímirovna Averbuch: Profesora titular del Centro de Investigación y Educación “Seguridad de la Información” del Instituto de Radioelectrónica y Tecnologías de la Información – RTF, Universidad Federal de los Urales en honor al Primer Presidente de Rusia, B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-8232-6711; Ekaterimburgo, Rusia. Correo electrónico: natalya_averbukh@mail.ru

Contribución de coautoría. Los autores aportaron una contribución igual para la preparación del artículo.

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflictos de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 02/05/2023; recepción efectuada después de la revisión el 29/09/2023; aceptado para su publicación el 04/10/2023.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.